

МИРЫ
КАССАНДРЫ КЛЭР

КАССАНДРА КЛЭР

Книга первая

ХРОНИКИ АКАДЕМИИ
СУМЕРЕЧНЫХ
ОХОТНИКОВ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)
К51

Cassandra Clare
The Tales From The Shadowhunter's Academy

Печатается с разрешения авторов
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Дизайн обложки *Екатерины Елькиной*

Клэр, Кассандра.

К51 Хроники Академии Сумеречных охотников.
Книга I / К. Клэр; пер. с англ. Н. Власенко. – Мо-
сква: Издательство АСТ, 2015. – 448 с. — (Миры
Кассандры Клэр)

978-5-17-092331-1

В этой книге собраны первые пять историй о событиях, происходивших в Академии Сумеречных охотников и о которых еще никому не известно! Саймон Льюис и подумать не мог, что станет Сумеречным охотником, но теперь ему предстоит пройти обучение в Академии...

Пять историй о самом страшном преступлении, которое может совершить Сумеречный охотник, о буднях Академии и о том, почему Саймон вдруг взбунтовался против принятых здесь правил. Читателя также ждет неожиданный поворот в деле Джека Потрошителя; неизвестные подробности отношений Саймона, Изабель и Клэри и долгожданная встреча с другими героями книг Кассандры Клэр!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

978-5-17-092331-1

Copyright © 2010 by Cassandra Clare, LLC
© Н. Власенко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан

Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников

Саймон понятия не имел, что значит «клево потусить». И в этом вся проблема.

Сходить в поход с палатками? Да о чем речь! Остаться ночевать у Эрика или рвануть куда-нибудь на выходные — подзаработать на жизнь? Не вопрос. Смотаться с мамой и Ребеккой поближе к морю и солнцу? Никаких проблем. В любую минуту бросаешь в рюкзак лосьон для загара, шорты, пару подходящих футболок и чистое белье — и всё, считай, готов.

К нормальной жизни, разумеется.

А вот к чему он точно не был готов — так это к тому, что окажется на элитной тренировочной базе, где нефилимы — они же борцы с демонами, они же Сумеречные охотники — попробуют сделать из него еще одного члена своего воинственного племени.

И какие, интересно, вещи могут ему там понадобиться?

В книжках и фильмах эту тему как-то ловко обходят: либо герои оказываются в волшебной стране чуть ли не в той же пижаме, в которой встали с кровати, либо вообще никто даже пальцем не шевелит, а все прибабасы появляются как будто сами собой. Да, средства массовой информации определенно упускают самое главное... А ему-то что теперь делать? Закинуть в сумку парочку кухонных ножей? Или в срочном порядке освоить искусство боя на тостерах?

Так и не решив, какой вариант лучше, Саймон выбрал самый безопасный вариант: чистое белье и прикольные футболки. Сумеречным охотникам ведь нравятся прикольные футболки? Да ладно, они всем нравятся.

— Даже не могу представить, как в военной академии отнесутся к футболкам с неприличными шутками.

Сердце скакнуло к горлу. Саймон повернулся — слишком быстро для обычного человека.

Мама стоит в дверях. Руки скрещены на груди; беспокойство на лице кажется еще сильнее обычного. Взгляд, которым она смотрит на сына, как всегда, полон любви и заботы.

Ага. Если забыть о том, что, когда ее сын стал вампиром, она вышвырнула его из дома. Но об этом она не помнит.

Об этом помнит только Саймон.

Как раз поэтому он и собирается сейчас в Академию Сумеречных охотников. И на голубом глазу заявил матери, что отчаянно хочет уехать. Маг-

нус Бейн — маг с кошачьими глазами (и да, они у него правда кошачьи) — сострияпал липовую бумажку и без труда убедил ее, что Саймон получил стипендию (липовую!) в некой военной академии (тоже, естественно, липовой!).

Так что Саймону не придется теперь каждый день видеть маму и вспоминать, какими глазами она на него смотрела, когда боялась и ненавидела его.

Когда предала его.

— Да ладно, мам, футболки вполне приличные, — ответил он. — Я же не совсем спятил. Ничего такого там нет. Даже для солдат, которые юмора вообще не понимают. Джентльменский набор королевского шута, вот и всё. Честное слово.

— Я тебе верю. Иначе никуда бы не отпустила.

Подойдя к сыну, она чмокнула его в щеку. Саймон вздрогнул. И понял, что маму это удивило. Но она ни слова ему не сказала — не перед расставанием же выяснять отношения.

— Я люблю тебя. Помни об этом, — добавила она.

Саймон чувствовал, что несправедлив сейчас, но ничего не мог с собой поделать. Мать выгнала его, считая, что под маской родного сына скрывается чудовище, — хотя должна была любить, несмотря ни на что. Он точно это знал и не мог простить такого предательства.

Пусть она об этом никогда не вспомнит, пусть даже никто в мире об этом не будет знать — Саймон не забудет. Просто не сможет.

И поэтому уходит.

Он постарался расслабиться и не отстраняться от объятий, чтобы не напугать маму еще больше. Положил руку ей на предплечье.

— Я там наверняка буду занят по горло. Но попытаюсь не забыть.

Он отступила на шаг.

— Вот и умница. Тебя точно друзья довезут? Может, такси вызвать?

Она имела в виду Сумеречных охотников (Саймон выдал их за однокашников, сподвигших его поступить в ту самую военную академию). Кстати говоря, вот и еще одна причина уйти из дома. Друзья.

— Точно. Пока, мам. Я тебя люблю.

Саймон не кривил душой. Он никогда не перестанет любить маму — ни в этой жизни, ни в какой-либо другой.

Я люблю тебя безо всяких условий, — говорила она когда-то еще маленькому Саймону. — Так любят родители. И им все равно, какой у них ребенок.

Люди так легко произносят эти слова. Им даже в голову не приходит, что мир может перевернуться, как и в страшном сне не присниться, — и любовь исчезнет, словно ее и не бывало. И уж тем более никто не помышляет, что любовь может просто не пережить испытаний.

Ребекка прислала ему открытку: «Удачи, салага!» Мягкий голос сестры, ее рука, обнимающая его за плечи, — вот дверь, которая никогда не за-

крывалась, в отличие от двери родного дома. Саймон помнил, что сестра любила его всегда, несмотря ни на что. Но этого недостаточно, чтобы остаться.

На самом деле он уже просто не мог дальше разрываться между двумя мирами и двумя комплектами воспоминаний. Надо бежать, пока не поздно. Надо пойти и совершить какой-нибудь подвиг, стать героем — в конце концов, такое с ним уже случалось. Тогда, по крайней мере, мир хоть чуть-чуть перестанет быть бесполезным. И жизнь обретет капельку смысла.

Лишь бы только ему самому от этого не стало еще хуже.

Саймон закинул сумку на плечо и вышел на крыльцо. Положил в карман открытку сестры. Он снова уходит из дома — и снова уносит с собой любовь Ребекки.

История повторяется.

Хотя никто из обитателей Института в Академию не собирался, Саймон все равно пообещал, что заглянет к ним и попрощается перед отъездом.

Было время, когда он и сам мог пробиться через чары, окружающие здание. Но сейчас ему без помощи Магнуса не обойтись.

Разглядывая внушительную и одновременно изящную громаду Института, Саймон с беспокойством и смущением вспоминал, что столько раз проходил мимо — и видел лишь заброшенные ру-

ины. Да, это другая жизнь. В голове невольно всплыли слова Библии — о детях, которые смотрят на мир словно бы через тусклое стекло. Но когда вырастаешь, начинаешь видеть ясно¹. Впечатляющее здание возвышалось над ним во всей своей красе. Словно оно и построено-то было лишь затем, чтобы показать людям их ничтожность, чтобы каждый, кто входит внутрь, чувствовал себя муравьем, копошащимся где-то там, внизу.

Толкнув тяжелые узорчатые ворота, Саймон спустился с узкой тропинки, обтекающей Институт по периметру, и зашагал прямо по лужайке.

Стены вокруг Института отгораживали от шумных нью-йоркских улиц небольшой сад, каким-то чудом умудрявшийся выживать в чадном городском воздухе. Широкие каменные дорожки. Скамьи. Статуя ангела, от которой у фанатов «Доктора Кто» точно бы взыграли нервы. Правда, ангел не плакал — но уныния в его взгляде, на вкус Саймона, было многовато. На каменной скамье посреди сада расположились Магнус Бейн и Алек Лайтвуд, высокий темноволосый Сумеречный охотник, сильный и немногословный — по крайней мере, в присутствии Саймона он обычно держал язык за зубами. Магнус, тот самый маг с коша-

¹ Имеется в виду отрывок из Послания апостола Павла к Коринфянам: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1Кор. 13:11, 12). — *Примеч. пер.*

чьими глазами, как всегда, выпендривался: сегодня он выбрал футболку с черно-розовыми полосками, сидевшую на нем в обличку. Магнус и Алек уже довольно давно встречались, так что, похоже, надоедливая болтливость мага объяснялась необходимостью говорить за двоих.

За ними, прислонившись спиной к стене и задумчиво глядя вдаль, куда-то поверх деревьев, замерла Изабель. Выглядела девушка так, словно ее застали посреди шикарной фотосессии для какого-нибудь гламурного журнала. Впрочем, она всегда так выглядит. Это ее талант.

Клэри, опершись о стену плечом, не сводила взгляда с лица Изабель и что-то упорно ей втолковывала. Саймон даже не сомневался, что с ее талантом добиваться своего она рано или поздно заставит подругу обратить на нее внимание.

При виде любой из этих девушек сердце Саймона всегда болезненно сжималось, словно в грудь воткнули нож. А при виде обеих сразу боль стала практически невыносимой и отпустить не спешила.

Поэтому Саймон предпочел побыстрее перевести взгляд на Джейса. Тот, опустившись на колени в давно не стриженную траву, точил о камень короткий кинжал. Возможно, у него были причины делать это именно здесь и именно таким образом; хотя, скорее всего, Джейс просто знал, что за таким занятием выглядит неотразимо, и работал на публику. У них с Изабель получилось бы отличное фото на обложку еженедельника «Круче всех».

Итак, собрались все. Ради него.

Наверное, они его действительно любят и ценят. Но Саймону сейчас было все равно. Он чувствовал только странную раздвоенность. Какие-то кусочки воспоминаний говорили ему, что он хорошо знает людей, ждущих его в саду Института, что это его друзья. Но остальные фрагменты памяти — целая жизнь, если уж на то пошло, — утверждали совершенно обратное: что все пятеро — вооруженные, сильные и опасные незнакомцы, от которых лучше держаться подальше.

На самом деле это вовсе не они, а старшие Лайтвуды, мать и отец Алека и Изабель, а вместе с ними и другие взрослые члены Конклава предложили Саймону пройти обучение в Академии, если он хочет стать Сумеречным охотником. Двери этого заведения открылись впервые за несколько десятков лет — перед теми, кто мог бы пополнить ряды охотников, изрядно поредевшие в недавней войне.

Клэри идею не одобрила. Изабель вообще ничего по этому поводу не сказала, но Саймон знал, что ей тоже не понравилось предложение родителей. Джейс заявил, что сам прекрасно может выучить кого угодно — здесь, в Нью-Йорке, причем всем предметам сразу, и предложил ускоренную программу, чтобы Саймон быстро догнал Клэри.

Какая трогательная забота. В другое время Саймон непременно воспользовался бы этим предложением, да и они с Джейсом, вероятно, дружили по-настоящему, хоть он этого и не помнил. Но ужасная правда заключалась в том, что он не хотел оставаться в Нью-Йорке.

Не хотел оставаться рядом с *ними*.

Потому что просто не смог бы вынести постоянное разочарованное ожидание, явно написанное на их лицах — особенно у Клэри и Изабель. На него смотрели как на давно знакомого, прекрасно известного человека — и чего-то от него ждали. А он каждый раз приходит — и ничего. Пустота. Словно раскапываешь яму, в которой когда-то спрятал нечто ценное, копаешь, копаешь и понимаешь: что бы ты ни спрятал в этой яме — его там уже нет. А ты все равно копаешь, потому что не можешь смириться с потерей, потому что это ужасно и потому что... ну а вдруг?

А вдруг.

Он, Саймон, и есть то самое потерянное сокровище. Он и есть то самое «а вдруг». И именно это он и ненавидит.

Вот он, секрет, который Саймон всеми силами старался от них скрыть. Потому что боялся, что его однажды снова предадут.

Надо просто как-то пережить прощание. Выйдя за ворота Института, он исчезнет — и не появится до тех пор, пока не сможет снова стать тем Саймоном, которого они хотят видеть. По крайней мере, тогда не останется места разочарованиям и никто не будет смотреть на него как на пришельца с другой планеты. Он станет своим.

Саймон не хотел, чтобы его заметили все разом. Бесшумно ступая по траве, он остановился рядом с Джейсом.

— Привет.

Джейс поднял взгляд, равнодушно скользнул по его лицу золотыми глазами и снова отвернулся.

— А-а, это ты.

Слова прозвучали так, будто Джейс и не торчал невесть сколько в саду Института в ожидании Саймона, чтобы попрощаться с ним. Впрочем, чего еще ждать от парня, чье кредо — «Я слишком крут, чтобы ходить в школу», а второе имя — себьялюбие?

— А я-то уж думал, не видать мне второго шанса, — отозвался Саймон. — Все-таки мы с тобой крепко связаны, как ни крути.

Джейс на секунду поднял на него взгляд — лицо застывшее, словно маска, — и вновь уставился себе под ноги.

— Вот именно. Мы с тобой — как вот это, — он скрестил пальцы. — А вообще-то даже больше. Скорее, как это, — он попытался скрестить уже скрещенные пальцы еще раз. — Сначала, правда, были у нас с тобой нелады — если ты когда-нибудь сможешь вспомнить об этом, — но потом мы это дело разрулили. Когда ты приехал и заявил, что просто все это время жутко мне завидовал, потому что я — ты вот точно так и сказал — потрясающий красавчик и неотразимый очаровашка.

— Серьезно, что ли?

Джейс ткнул его кулаком в плечо.

— Абсолютно, старик. Я помню это слово в слово.

— Ладно, неважно. Дело в том... — Он перевел дух. — При мне Алек никогда ни слова не говорит.

Он просто застенчивый, или это я так сильно его раздражаю и не помню об этом? Не хочется уезжать, не разобравшись и не исправив того, что можно исправить.

Лицо Джейса снова закаменело.

— Рад, что ты спросил, — наконец сказал он. — Вообще-то, если ты не заметил, есть еще кое-какие проблемы. Девчонки не хотели, чтобы я тебе это рассказывал, но штука в том, что...

— Джейс, хватит отнимать у нас Саймона.

Клэри произнесла это твердым голосом, как всегда, и Джейс тут же обернулся и ответил ей — тоже как всегда. Только с ней одной он разговаривал вот так, больше ни с кем.

Клэри направилась к ним, и чем ближе Саймон видел ее рыжие волосы, тем больше проворачивался нож, засевший в сердце. *Какая она все-таки маленькая.*

На одной из злополучных тренировок — Саймон тогда потянул запястье и был из участника временно переведен в статус наблюдателя — Джейс бросил Клэри в стену. Через несколько секунд девушка ответила ему тем же.

И все-таки Саймону по-прежнему казалось, что ее нужно защищать. Вот еще один его личный кошмар — эмоции без воспоминаний. Так и спятить недолго: он точно знает, какие чувства испытывает к этим пятерым незнакомцам, но не может объяснить их. Не может вспомнить. Не может дать друзьям то, чего они хотят. Как будто все эмоции и ощущения — вполсилы.